

Тасия Маслова
Мария Гербер

ДЕВОЧКА,
КОТОРАЯ
ПОЛЮБИЛА

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М31

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-184098-3

© Тасия Маслова, Мария Гербер, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Посвящается всем,
кто идёт к своей цели
и не боится мечтать.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Держим спины

Особо серьёзного отношения к себе я и не ждала. Но и чтобы меня чуть ли не ежедневно отговаривали, тоже! Когда я поступила в балетную Академию, то не ожидала, что меня будет поддерживать весь мир. Но родители могли бы, ведь для меня их мнение было самым важным. Вот у одноклассницы Лизы Савушкиной, родители — главные помощники, друзья, фанаты... Они даже продали красивый частный дом в Московской области и переехали в Петербург, где купили квартиру в десяти минутах от нашей Академии, чтобы Лиза шла к мечте. Хотя чего ей в Москве не училось, этой принцессе, не знаю.

А я еду на автобусе, потом полчаса на метро, потом снова на автобусе... Ну и ладно, движение — жизнь. Мне даже полезно ходить чуть больше, чем той же Лизе. Наверное, поэтому родители не особенно меня и поддерживали. Всё ждали, когда перерасту и увлекусь, например, химией. А я всем докажу — им, преподавателям, себе самой! — и лишние четыре килограмма сброшу. Хотя дело-то не в весе, я от природы какая-то рослая, крепкая... Мне бы, наверное, в плавание. Но я выбрала балет.

Собираю сумку:

- трико,
- гетры,
- купальник,
- кофта для разогрева...

Из кухни запахло кашей. Хоть бы не на молоке! Мама уверена, что мне нужен кальций, я же — растущий организм. Только вот мне от молока растёт вширь.

«Глупости! — отмахивалась мама всякий раз, когда я вступала с ней в схватку. — Тебе нужно и молоко, и творог кушать, и сметанку...»

«Да не нужно мне кушать сметанку, мама! Мне нужно четыре килограмма как-то сбросить, понимаешь ты это или нет? Пожалуйста, не добавляй мне в кашу молока».

«Что это за спорт такой, что ребёнку молока нельзя выпить?!»

Балет — не спорт, а искусство. А оно, как и красота, требует жертв. И если я смогу легко парить над сценой, не стесняясь своего веса и не боясь, что меня однажды ни одному парню над головой будет не поднять, то в гробу я видала это молоко в белых тапках!

— Кать, ну хоть кусочек сыра-то тебе съесть можно? — спросил папа и придвинул ко мне тарелку с сыром, нарезанным на ломтики.

— Кусочек можно, — я выбрала самый тонкий, едва ли ни прозрачный. — Я что, первый год балетом занимаюсь? Вы разве не знаете, что мне можно, а что нельзя?

— Ты не кипятись. Мы с мамой рады, что ты занимаешься любимым делом, но понимаешь, котёнок, нужно учиться оценивать ситуацию правильно, — сказал папа, хмурясь и глядя в чашку с кофе. — Ведь ты выбрала очень серьёзный вид танцев, и все эти годы он требует от тебя каких-то сумасшедших нагрузок и постоянных жертв! Мы с мамой не думаем, что это правильно.

Папа поджал губы и покосился на маму. Та одобряюще кивнула.

— Пап, а вот, когда ты после армии выбрал стать инженером, но слово «математика» без ошибок написать не мог, ты, чтобы так добиться цели и поступить в технический вуз, разве не жертвовал своим временем, сном, развлечениями?

— Ну... Не так, как ты. Мне хотя бы молоко пить не запрещали.

— Да что вы с этим молоком ко мне привязались! — вспыхнула я, вскакивая с места. — Давайте представим, что у меня непереносимость лактозы. Кстати, в кунжуте кальция в разы больше, чем в молоке!

— Дело-то не в молоке, Кать, — подхватила мама и помахала рукой, чтобы я снова села за стол. — А в том, что ты с ранних лет заставляешь себя добиваться цели через силу, через «не могу».

Мама моя — творческая натура. Она уверена, что всё в жизни должно быть плавно, спокойно и в удовольствие. У неё своя кро-

ошечная гончарная мастерская, в которой она лепит тарелки, вазы, чашки, какие-то таблички для горшков с растениями... Иногда проводит мастер-классы. Маленькая, я постоянно приходила в мастерскую с мамой и перепачканными в глине руками лепила какие-то фигурки и мисочки для кукольного домика. Потом мы их разрисовывали, обжигали... Но мне больше не три года. Мне тринадцать!

— Не всем удаётся идти к цели легко и без усилий. Я вот, к примеру, изнурительно работаю над собой, и мне это нравится, — сказала я и отпила чая.

— Ну если нравится... — пожал плечами папа.

В автобусе тесно, как в театральном буфете во время антракта. Того и гляди ноги оттопчут. Надо было бы заставить себя думать о чём-то полезном: например, о том, как выполнить арабеск, которая давалась мне весьма посредственно. Но я всё никак не могла перестать думать о словах родителей. Вот умеют же они завести с самого утра! Думают, мне в Академии стресса не хватает? Там все эти точёные Лизы только и ждут момента, чтобы укусить побольнее. И хотя преподаватель по хореографии, Капитолина Семёновна, за дисциплиной следила не хуже Цербера, что охранял выход из Лидова царства, косые взгляды я ловила на себе ежедневно. Да и ладно, пусть косятся. Окосеют и больше не смогут пируэты крутить.

Я не злорадная, просто надоело до чёртиков ежедневно доказывать всему свету, что я тоже имею право на мечту. Тем более перевес у меня не в сорок килограммов, а всего в четыре. Всего?! В целых четыре тяжелых килограмма! Боже мой, помоги мне сбросить их, иначе меня отчислят ещё до экзаменов! Я ведь уже почти ничего, кроме воздуха, не ем! В голову пришла безумная идея. Читала где-то, что можно удалить ребра с десятого по двенадцатое для стройности талии. А ведь, если будет меньше костей, вес тоже уменьшится! Достала телефон и вбила в поисковик «вес человеческого ребра». Информации не много. Какой-то пользователь написал, что одно ребро весит всего пятнадцать — двадцать граммов. Если это правда, то несколько рёбер меня не спасут. Да и что за бред лезет мне в голову! Какие ещё рёбра!

Протиснулась в двери автобуса, перешла дорогу и прогулялась минут пять по липовой аллее. Люблю апрель! А в этом году ещё и весна такая ранняя. И вот на улице только десятое число, а уже сухо, тепло, чисто, почки на деревьях вот-вот лопнут, и хочется улыбаться. Спасибо эволюции за зеркальные нейроны в моей голове! Они тут же уловили позицию лицевых мышц и послали сигнал «У нас всё отлично!».

Кивнула продавщице булочек и газировки, и она улыбнулась мне в ответ. Когда на полпути к мечте находится такой соблазн, как тележка со свежими пышками-плюшками, в воздухе пахнет жареным орехом, нугой и ванилью,

а разноцветные стеклянные бутылочки по триста тридцать миллилитров на прилавке переливаются в солнечном свете, как гирлянда на ёлке, пройти мимо очень трудно. Идёшь и невольно читаешь этикетки:

— Байкал, тархун, барбарис, дюшес, бура-тино, крем-сода...

Но за годы непростых регулярных тренировок я научилась относиться к запрещённым продуктам так же, как к чужому парню, — тоже хотелось бы, но нельзя. Не моё. Значит, проходим мимо.

Про парня, кстати, даже и не спрашивайте. У меня его нет и не было никогда. Наверное, это и к лучшему, ведь времени свободного всё равно ни на прогулки, ни на свидания толком нет. Единственные парни, с которыми я общаюсь, это одноклассники. Но тут я пролетаю мимо. С моими лишними четырьмя триста я на фоне других балерин — бегемот в балетной пачке. Ну и какому парню это надо?..

Академия находилась в конце липовой аллеи. Идёшь, идёшь и упираешься лбом в здание цвета крем-брюле. Я вздохнула и потянула на себя дверь — тяжёлую, как и мой выбор стать вопреки всему настоящей балериной.

ГЛАВА 2

Кто из вас булки жрёт?

Капитолина Семёновна, которую ученики из года в год шёпотом называли то Капитошкой, то бабой Капой, никому спуска не давала. И, хотя говорили, будто Лизу Савушкину она сама из Москвы к себе в класс позвала, даже с ней Капитошка обращалась очень строго.

— Почему в классе пахнет ванилью? — раздался вдруг голос Капитолины Семёновны и эхом срикошетил о стены танцевального зала. — От кого? А?!

Мы молча переглянулись, пожали плечами и замотали головами. Но преподавателя классического танца это не убедило, и она пошла по станкам, щурясь и принохиваясь к каждой из нас.

— Узнаю, кто из вас булки жрёт, выгоню к чер-ртям собачьим! — воскликнула она грассируя, и задержала взгляд на мне: — Некоторрым тут вообще бы есть пер-рестать, на пользу б пошло.

Я иступлённо глядела перед собой. Смотреть в глаза учителю, если тот не обратился к тебе лично, — страшная дерзость. За такое и с урока выгнать могли. Вообще-то, не имели права, но Капитолина Семёновна сама себе указ.

— Ну ладно, начнём! — скомандовала она, хлопнула в ладоши и кивнула концертмейстеру: — Р-разминка!

Мы облегчённо выдохнули и заняли исходные позиции у станка¹. Раздалась музыка, и мы встрепенулись.

Если вы полагаете, что балет — это что-то про нежность, цветочную воздушность капроновых юбочек и девочек грациозных, как лебеди, позвольте развенчать вашу наивность. Балерины тренируются так же тяжело, как фигуристы, гимнасты, атлеты и бог знает кто ещё. Каждое движение, взмах руки, положение пальцев выверено до миллиметров. Дисциплина покруче, чем в армии. Я знаю, о чём говорю, у меня папа служил. Даже он бы присел, когда Капитолина Семёновна на весь зал кричала: «Сели!»

Грациозность и лёгкость — не что иное как обман зрения. Зрителю кажется, будто балерина разве что не взлетает — такая она невесомая и прыгучая. На самом же деле это результат долгих изнуряющих тренировок, умение пользоваться мышцами тела так, чтобы каждое движение казалось неземным. И если после полуторачасовой тренировки классического балета ты не промок до трусов, значит, и не тренировался вовсе.

— Смотреть на меня! — то ли говорила, то ли кричала Капитолина Семёновна. — На меня

¹ В профессиональной среде часто называется «палка» или «бarr».

смотреть! Зачем вам глаза? Или вы, может, сами всё знаете? Тогда чего сюда пришли?

И мы, как одна, застыли взглядом на Капитошке. Она, как обычно собрав поседевшие волосы в тугий пучок, размахивала рукой в такт музыке, кивала и прохаживалась по залу, раздавая замечания:

— Не стучи по пятке! Анлер-р! По пятке не стучи! Плохая у тебя стопа, Юля. Что же мне с тобой делать?

И Юля приземляла туго охваченную лентами ногу осторожнее, рисуя мыском никому не видимые окружности.

— Р-ронд де жамб! — рычала Капитолина Семёновна. — Анлер-р! Тяните ноги!

Ей повезло с картавостью, благодаря которой все балетные термины на французском получались у неё особенно атмосферно.

— Считать умеете? Так считайте! И р-раз, и два, и три и четыре! — И рука бабы Капы взлетала и падала. — Что у вас по общеобразовательным предметам? Двойки? Нет? Так если ж вы считать не умеете!

...У меня, между прочим, по всем предметам «отлично».

Спустя полчаса Капитолина Семёновна командовала «По местам!», и мы разошлись по залу.

— Это адажио, Катя! Куда ты гонишь? — А это уже ко мне обратились. — Спокойнее, спокойнее, Катюша.

О, меня Катюшей назвали! Сегодня снег пойдёт.

— Настя, тебе колени зачем, чтобы их тут повсюду выпячивать?! Сорок пять градусов! Не надо их на девяносто! Вот же медведица, ей-богу! Села! Сядь! А теперь подтянись!

Капитолина Семёновна театрально приложила ладонь ко лбу, а Настька закусилась губу.

— Стоп, стоп, стоп! — замахала руками баба Капа. — Мне непонятно, почему вы делаете так, будто вас только сегодня в школу приняли.

В зал заглянули малявки с первого года обучения — в гимнастических купальниках и балетках.

— Брысь отсюда! — рывкнула Капитолина Семёновна. — До вас я тоже доберусь.

«Бегите!» — подумала я и улыбнулась.

— Лебедева, Катя! Тебе что-то слишком весело. Наверное, потому, что деми плие у тебя безобразное! А ну-ка, выходи на центр и покажи, как лишние четыре килограмма не дают тебе присесть с ровной спиной.

Мне словно пощёчину дали. Я сделала шаг вперёд и ещё один, ощущая на себе взгляды девочек и одновременно боль в каждой клеточке тела. Я приступила к выполнению элемента, стараясь не смотреть на Капитолину Семёновну, чтобы не расплакаться. Хоть она не стеснялась в выражениях, получить такой удар под дых за едва заметную улыбку оказалось для меня слишком обидно. Тем более что деми плие у меня отличное!

— М-да... Это, дорогая моя, что угодно, только не плие. Гусыня! А будешь реветь, выгони с урока, поняла? — прошипела она.